

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://studservis.ru/gotovye-raboty/magisterskaya-rabota/15732>

Тип работы: Магистерская работа

Предмет: История Мировая

Содержание

Введение 3

Глава 1. Жизненный путь и исторические особенности сочинений аль-Масуди 11

1.1. Биография и основные путешествия аль-Масуди 11

1.2. Исторический контекст творчества аль-Масуди 31

1.3. Ученые о творчестве аль-Масуди 54

Глава 2. Творчество аль-Масуди и традиции переводов 68

2.1. Изучение жизни и наследия аль-Масуди в арабских странах (Сирия, Иран, Ирак) 68

2.2. Традиции перевода и изучение наследия аль-Масуди в Западной Европе и США (англоязычная традиция). 83

Глава 3. Особенности арабского и европейского миров в творчестве аль-Масуди 93

3.1 Исторические сведения о славянских народах в сочинениях аль-Масуди 93

3.2 Франки, галлы и лангобарды 105

3.3 Народы Кавказских гор и соседние народы 110

Заключение 120

Список использованной литературы 125

Введение

Актуальность данной работы состоит в том, что те немногие произведения, которые дошли до нашего времени, являются бесценными источниками по истории не только арабо-мусульманского мира, но западноевропейской истории.

Но стоит отметить, что одной из главнейших особенностей арабо-мусульманской культуры является ее «литературный» характер. И действительно, оформившаяся в значительной степени благодаря письменной фиксации и комментированию Корана арабо-мусульманская цивилизация породила множество сочинений в различных областях человеческого знания.

Тем не менее, в настоящее время лишь немногие тексты, как мне представляется, способны вызвать интерес у рядового читателя. К таким универсальным памятникам и относится книга Мурудж аз-захабвамадин ал-джаухар («Золотые копи и россыпи самоцветов») Абу-л-Хасана Али ибн ал-Хусай-на ибн Али аль-Масуди. Об этой книге выдающийся английский арабист Х. А. Р. Гибб писал: «На арабском языке нет более замечательного произведения».

Сочетание методов, разработанных представителями школы «новой интеллектуальной истории» (Р. Анкерсмит, Х. Уайт и др.), с глубокими историко-филологическими традициями востоковедения может оказаться плодотворным.

Как известно, всякий литератор в первую очередь интересен своими сочинениями, а не биографией, однако понять тот или иной культурно значимый текст, в особенности созданный многие столетия назад, гораздо проще, если известна судьба автора. К сожалению, собственно, о жизни аль-Масуди, о его индивидуальных чертах или же каких-либо происшествиях, с ним приключавшихся (а об этом арабо-мусульманские биографы писали весьма охотно), не известно практически ничего. Крупнейший немецкий востоковед Карл Брокельман объяснял невнимание к аль-Масуди самим творчеством писателя, слишком далеко отстоящим от традиций арабо-мусульманской учености. Как отмечал другой исследователь, видный французский арабист Шарль Пелла, даже такой обстоятельный и точный автор, как Ибн ан-Надим (ум. 990), составитель одного из первых библиографических словарей, ошибочно причислял аль-Масуди к уроженцам аль-Магриба (Северной Африки), а не к исконным багдадцам, и сочинений его, очевидно, не читал.

Своеобразие исламской историографии и ее ограниченность обусловлены концепцией исторической информации («хабар»). «Хабар» означает факт, событие, упомянутое в беседе или предании. Историк не оперирует взятым из жизни материалом, а отталкивается от имеющегося в письменной и устной традиции

предания или рассказа, переданного очевидцем событий (им мог быть и сам автор). Главная задача ученого - установить подлинность рассказа, подвергая критическому анализу, как само сообщение, так и его источники. Историк не выискивает факты, а лишь собирает их воедино и классифицирует, удостоверяясь в их надежности. До Ибн Хальдуна, положившего в основу исследования знание законов устройства человеческого общества («умран»), истинность сообщений не слишком волновала ученых.

Достаточно было вплоть до мельчайших деталей признавать достоверность Корана и других религиозных текстов. Их можно было включать в повествование самых разных жанров и размещать по своему усмотрению в более или менее объемных сборниках, но нельзя было трактовать по-своему, изменять их структуру или форму согласно своим взглядам и замыслам.

Мусульманские историографы не воссоздавали прошлое, как это делали историки Древней Греции, не было здесь и аналога средневековой христианской теологической истории. Этим объясняется их беспристрастность, не раз отмечавшаяся исследователями, а также статичная концепция времени, которое не несет в себе возможности развития или прогресса и лишь внешне организует цепь исторических событий. Только Ибн Хальдун (и в этом он опередил других ученых) по-новому подошел к рассмотрению их взаимосвязи, проследив возникновение, эволюцию и упадок таких больших сообществ, какие образовывали арабы, берберы, персы и «румы» (так мусульмане называли древних греков, римлян и византийцев). Начальный период развития исламской историографии, продолжавшийся до 3 в. хиджры, завершается хроникой ат-Табари «Китаб ар-Русул ва аль-Мулук» («История пророков и царей»). Летосчисление, в котором за отправную точку берется хиджра (622 г.), становится общепринятым. «Иснад», принцип, согласно которому указывалось имя того, кто передавал информацию от одного поколения другому, был введен сначала в науках, связанных с религией, затем использован в жизнеописании Пророка и в истории исламских завоеваний и, наконец, утвердился во всех других исторических жанрах.

Для ранней историографии были характерны такие жанры, как «магази» и «сира» (жизнеописание и деяния Пророка и его сподвижников), «футух» (исламские завоевания), «ахдас» (важные политические события), «акбар аль-аваил» (история доисламских царей и народов), «аям аль-Араб» (рассказы о прошлом арабов), «ансаб», «маасир» и «магалиб» (генеалогии, подвиги и поражения), биографии ученых, списки учителей, политические и административные хроники, истории династии Омейядов и Аббасидов, сборники писем секретарей. Постепенно распространилась и практика точно датировать факты и события и придерживаться хронологического порядка изложения.

Издавались многочисленные компендиумы, такие, как «Магази» аль-Вакиди, «Сира» Ибн Исхака, «Табакат» Ибн Саада, «Ахбар ат-тивал» ад-Динавари, «Ансаб аль-ашрай» аль-Баладури и «Тарих» аль-Якуби. Все вместе они составили обширную литературу, из которой до нас дошло относительно немного и о существовании которой мы знаем лишь по названиям, перечисленным в более поздних библиографических списках, как в работе «Фихрист», написанной Ибн ан-Надимом в 377 г. хиджры (998 г.).

Для второго, классического периода характерно укрепление наметившихся тенденций, сопровождавшееся, однако, некоторым ослаблением принципа «иснад» и появлением новых жанров. Еще одну всеобщую историю, «Золотые луга», написал последователь ат-Табари историк ам-Масуди, не имевший, правда, такого влияния, как его предшественники.

Начиная с IV в. хиджры занятие историографией получило более или менее официальный статус, при этом все шире стали использоваться национальные и местные архивы. Наиболее заметным историком этого периода был Хассан ибн-Сабит ибн-Синан ас-Саби, положивший начало направлению, продолженному Мискавая-ахом, автором «Таджариб альумам» («История династии Буяидов»), а в следующем веке - Аб Шуджа X.

Популярным жанром стали истории городов. Таких сочинений появилось множество, и среди них «История Багдада» аль-Хатиб аль-Багдади, снискавшая наибольшую известность.

Увеличилось число биографических словарей, отражающих религиозную и интеллектуальную жизнь общества, усложнилась их структура. Они включали имена поэтов и мыслителей, сведения различных религиозных и правовых школах и принадлежащих к ним ученых, каталоги писателей и жития святых. Так богатая историографическая традиция пустила корни во всех уголках мусульманского мира.

Однако политические потрясения середины V века хиджры (XI в.) не могли не сказаться на развитии историографии, когда начался ее третий период. До середины VI века хиджры (XII в.) область исторических исследований заметно сужена. Ведущая роль в историографии на время перешла к Сирии, где работали такие ученые, как Ибн ат-Таяи, Ибн ад-Дам и Ибн ан-Насиф, создавшие свои варианты всемирной истории. Вскоре к этой плеяде присоединился Ибн аль-Атхир, автор «аль-Камил» («Завершенность»). Затем наступил черед Египта, давшего таких крупных историков, как Ибн Хаджар, аль-Макризи, аль-Ксани, Ибн Тигрибиди,

ас-Сакнави и ас-Суюти. И наконец, этот период ознаменовался появлением в Магрибе Ибн Хальдуна, чей труд первооткрывателя вызывал восхищение современников, но, к сожалению, не имел последователей. Научная разработанность проблемы в исторической науке. Начало изучения наследия аль-Масуди восходит к началу XIX века (труды французских востоковедов Ж. де Гина, С. де Саси, немецкого исследователя Г. фон Клапрота и др.). Если говорить об исследователях аль-Масуди в России, то здесь можно назвать имя академика Х.Д. Френа. Зарубежные и российские ученые зародили традицию переводов и изучения трудов аль-Масуди как источников по истории Востока и народов России.

В XX веке наследие аль-Масуди исследователи стали рассматривать в перспективе общемирового процесса развития научного знания. Тем не менее, в российской науке оно изучено только в связи с изучением раннесредневековой истории народов России и арабо-мусульманской истории. Такой же подход – внимание к истории мусульманской цивилизации – присущ и исторической науке Сирии.

На сегодняшний день сегмент наследия историка, посвященный истории стран Запада, в отличие от разделов, которые посвящены географии арабских стран, народов Африки, славянского мира, предметом изучения не становится.

Объект: арабская историческая мысли эпохи династии Аббасидов арабо-мусульманской цивилизации (VIII-XI вв.).

Предмет: творческое наследие аль-Масуди.

Цель: на основе комплексного анализа научного наследия аль-Масуди изучить представленные в нем материалы – исторические сведения и интерпретации – по истории европейских народов в древности и средневековье и показать их источниковое значение для исторической науки.

Задачи и проблема исследования. В задачи исследования входит изучение жизни и творчества арабского писателя и путешественника аль-Масуди. Кроме того, что наиболее важно в теме данной работы, следует подробно изучить дошедшие до настоящего времени источники с тем, чтобы выявить все детали, связанные с западной историей. Но капитальных исследований по творчеству самого аль-Масуди нет, поэтому стоит опираться в большей степени на дошедший до нас оригинал его главного произведения.

Задачи:

- изучить биографию Аль-Масуди и его исторический метод в написании произведений;
- исследовать эпоху автора, его жизнь, творчество его коллег, путешествия аль-Масуди;
- дать характеристику и краткое описание книгам и другим произведениям автора;
- изучить исторические особенности сочинений аль-Масуди;
- исследовать произведения аль-Масуди в качестве источников старой Европы, в частности по Древней Греции и Византии;
- изучить его произведения в качестве источника по истории Европы в средние века, в частности, как источник по славянам, франкам, галлам, лангробардам и народам Кавказских гор.

Хронологические рамки исследования заключены в период VIII-XI вв., хотя, конечно, жизнь самого аль-Масуди не была столь долгой. Но для лучшего понимания исторической базы произведений автора стоит изучить развитие арабо-мусульманских источников.

Методологическая основа определялась характером выбранной темы, поэтому в ходе исследования важную роль играл исторический метод, с помощью которого проблема была рассмотрена в ее последовательном и хронологическом развитии.

В настоящей работе использовались специально-исторические методы: историко-генетический, историко-типологический, историко-компаративный и историко-системный.

Источниковая база. Решение задач, поставленных в настоящем исследовании, потребовало обращения к широкому кругу источников. В качестве основного источникового материала были выбраны всемирно исторические хроники и теоретические работы по историописанию. В этих текстах исторические взгляды изучаемого общества выражаются в наиболее полной и последовательной форме, кроме того, в них предпринимаются попытки концептуализации исторического познания. Наконец, эти тексты оказывали огромное влияние на развитие всего историописания в целом, и в них наиболее ярко проявлялись тенденции, характеризующие средневековую арабо-мусульманскую историческую мысль на том или ином этапе. И в данном контексте изучались не только дошедшие до настоящего времени произведения, но и исследование по творчеству самого аль-Масуди.

Степень изученности проблемы. До настоящего времени разработка данной темы интересовала научный мир, но серьезных монографий нет до сих пор. Каждый исследователь, изучая наследие аль-Масуди, упоминает о том, что там содержатся сведения по истории западной цивилизации, но до сих пор серьезных научных разработок и исследований не было. Именно поэтому данная диссертационная работа

будет особенно актуальной.

Научная новизна. До сегодняшнего дня средневековая арабо-мусульманская историография рассматривалась, главным образом, либо как источниковая база для исторических исследований, либо как феномен словесной культуры, хотя существуют все основания для рассмотрения ее как зеркала мировоззренческих представлений, что и обуславливает исследовательский интерес к заявленной теме и ее актуальность. Сочетание методов, разработанных представителями школы «новой интеллектуальной истории» (Р. Анкерсмит, Х. Уайт и др.), с глубокими историко-филологическими традициями востоковедения может оказаться плодотворным. Изучение динамики развития исторической мысли должно стать очередным шагом на пути к реконструкции того исторического мира, в котором себя мыслило средневековое арабо-мусульманское общество. Кроме того, оно позволит продвинуться в разработке методологии исследования исторического сознания.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Первая глава посвящена непосредственно Аль-Масуди. И в частности, той эпохе, в которой он жил, непосредственно его жизни, ученым-коллегам аль-Масуди, путешествиям автора, а также его книгам и произведениям. И в заключение первой главы исследуются исторические особенности сочинений аль-Масуди.

Во второй главе рассматривается изучение наследия аль-Масуди, причём арабская и европейская исторические традиции рассматриваются отдельно.

Третья глава будет изучать источники аль-Масуди в контексте истории Европы Средних веков, в частности, будут изучены славяне, франки, галлы и лангобарды, а также народы Кавказских гор и соседние народы в описании аль-Масуди.

Глава 1. Жизненный путь и исторические особенности сочинений аль-Масуди

1.1. Биография и основные путешествия аль-Масуди

Уроженец Багдада Абу ал-Хасан Али аль-Масуди (первая половина X в.), историк и географ, путешествовал большую часть жизни, посетил многие страны Старого Света – всю Переднюю и Среднюю Азию, Кавказ и Восточную Европу, Северную и Восточную Африку.

Действительно, большая часть относительно недолгой жизни аль-Масуди прошла в странствиях. Примерно за сорок лет ученый успел побывать в Индии и на восточном побережье Африки, на Аравийском полуострове и на Кавказе, основательно объездить Сирию и Египет, не говоря уже о своем родном Ираке, во многих городах которого Масуди бывал в перерывах между поездками на чужбину, пересеживаясь с верблюда на коня, а с коня - на корабль. Одновременно он успевал очень много писать.

По сообщению средневековых биографов аль-Масуди, первое, не дошедшее до нас его сочинение «Известия о времени» («Ахбар аз-Заман») составляло тридцать томов. Даже две сохранившиеся целиком его работы - «Золотые копии» и «Книга указания и наблюдения» - составляют в современных изданиях около двух тысяч страниц. Всего же за свою жизнь аль-Масуди написал около тридцати сочинений по различным отраслям научного знания.

Арабо-мусульманская культура уделяла много внимания отдельным личностям. До нашего времени сохранились тысячи биографий религиозных и политических деятелей, поэтов, прозаиков, ученых арабо-мусульманского мира. Несмотря на то что упоминания о нем содержатся в шести арабо-мусульманских сочинениях - в знаменитом библиографическом своде иракского ученого второй половины X в. Ибн ан-Надима «Фихрист», у ученого XI в. ан-Наджаши, у андалусского автора Ибн Хазма (ум.в 1064 г.), у египтян аз-Захаби и ас-Субки(оба - XV в.), в знаменитой «Мукаддиме» Ибн Халдуна (ум. 1382 г.), - знаем мы о жизни Масуди очень мало.

Авторы, упоминающие о Масуди, пишут о месте его рождения, нередко противореча друг другу, а затем приводят названия его сочинений. Такая информация умещается в нескольких строках. В биографической литературе не сохранилось даже явно вымышленных анекдотов о поступках и высказываниях Масуди, подобных тем, персонажами которых являются многие другие деятели арабо-мусульманской культуры. Мы даже не знаем точно, в каком году он родился, - за год рождения Масуди условно принимается 896 г. Зато в главном из сохранившихся сочинений Масуди - «Золотых копиях» - содержатся яркие, запоминающиеся анекдоты и новеллы о многих выдающихся людях. Масуди был первым автором, который представил историю мусульманской общины, арабо-мусульманского государства - Халифата - как объект

занимательного, во многом вымышленного повествования. Сам же Масуди как подлинно творческий, а потому увлеченный своим делом и скромный человек остался непроницаемым для последующих биографов. Главенствующей формой общественного сознания в арабо-мусульманском обществе, как и во всяком средневековом обществе, была религия. Именно поэтому в наибольшей степени в характере человека в то время ценили благочестие. Одним из проявлений благочестия было накопление знаний религиозного характера. Уже в первые десятилетия после смерти основателя ислама Мухаммада начали складываться традиционные мусульманские религиозные науки: комментирование священного писания мусульман - Корана, наука о преданиях о жизни и изречениях Мухаммада, богословие, мусульманское право. Одной из религиозных наук считалась и история, так как предметом ее изучения были события, происходившие, как считали мусульмане, по промыслу Аллаха в мусульманской общине, то есть в Халифате.

В результате контактов с другими народами - греко-византийцами, сирийцами, иранцами и индийцами - в сферу интересов арабо-мусульман попали и другие науки, так называемые науки древних, непосредственно не связанные с исламской религией. Это такие дисциплины, как философия, математика, логика, алхимия и, конечно, география, на поприще которой в наибольшей степени прославилось имя Масуди, хотя он известен также как историк и литератор.

Для овладения всей суммой знаний надо было прежде всего хорошо изучить арабский язык - язык священного для мусульман Корана. Многие жители Халифата, в особенности те, чьими предками были выходцы с Аравийского полуострова, пользовались в быту арабским языком, однако не в «высокой», литературной его форме, а в форме разговорной, истоки которой следует искать в аравийских племенных диалектах. Поэтому даже те, для кого арабский язык был родным, должны были затратить немало усилий, для того чтобы суметь пользоваться им как инструментом арабо-мусульманской культуры. Такая ситуация осталась в арабских странах вплоть до настоящего времени.

Тот, кто хотел овладеть знаниями, накопленными арабо-мусульманской цивилизацией, должен был долго и упорно учиться. Каким же образом происходил процесс обучения в городах Халифата? Нам весьма интересно получить ответ на этот вопрос, потому что обширные познания Масуди были приобретены, разумеется, в результате длительного обучения.

Мальчик из мусульманской семьи обычно начинал ходить в школу - куттаб - лет с шести-семи. Куттаб не был похож на те школы, к которым привыкли мы. Просто в каждом квартале имелся человек, слышавший знатоком Корана и умевший обучать ребятшек грамоте. Учитель обычно собирал мальчиков в квартальной мечети, заставлял их зазубривать арабский алфавит. После этого дети начинали читать первую главу (суру) Корана - Фатиху («Открывающую»). Мальчики хором много раз повторяли священные для мусульман слова и запоминали Фатиху наизусть. После этого учитель таким же образом прорабатывал с ними все остальные суры Корана начиная с конца, так как они расположены в порядке убывания объемов - самой маленькой является последняя сура, а самой большой - вторая.

Труд школьного учителя, дословно «учителя мальчишек» (муаллим ас-сибйан), считался презренным, а сами учителя - людьми глупыми и плохо образованными. Недаром в «1001 ночи» говорится, что «каждый, кто обучает мальчишек, не обладает здравым умом, хоть и может знать все науки». Ведь даже свирепого и умного наместника омейядских халифов в Ираке Хадждажа ибн Иусуфа (первая половина VIII в.) часто попрекали тем, что в молодости он был школьным учителем.

Скорее всего, когда будущий географ и путешественник был мал, он научился читать и писать у отца или какого-нибудь другого родственника-мужчины, жившего у них в доме. Затем к Масуди, видимо, за достаточно высокую плату пригласили домашнего учителя. С такими учителями отпрыски состоятельных семейств более углубленно изучали и комментировали Коран, знакомились с преданиями о поступках и изречениях основателя ислама Мухаммада - хадисами, разбирали и заучивали наизусть стихотворения арабских поэтов - древних, которые жили и творили на Аравийском полуострове еще до возникновения ислама, современников Мухаммада и творивших во время правления Омейядов и Аббасидов. Средневековая арабская поэтическая критика - важная отрасль знаний, процветавших под сенью Халифата, - выработала не только четкую периодизацию развития арабской поэзии в соответствии с основными этапами политической истории арабо-мусульманского общества, но и жесткие критерии оценки творчества того или иного поэта. О глубоком интересе Масуди к поэзии свидетельствуют многочисленные поэтические цитаты, которыми пестрят страницы его сохранившихся сочинений.

Возможно, в доме отца Масуди имелась значительная библиотека, и можно с уверенностью сказать, что пытливый мальчик проводил много часов над рукописными фолиантами. Несмотря на то что в арабо-мусульманском мире, конечно, не было печатных станков и книги переписывались от руки, количество сохранившихся рукописей показывает, что масштабы производства рукописных книг были поистине

огромны. Книги переписывали как профессиональные переписчики за плату, так и некоторые молодые ученые, нуждавшиеся в средствах на жизнь и учение. Переписку книг, которая была монотонным и нелегким делом, часто поручали самым бесправным членам арабо-мусульманского общества - рабам и вольноотпущенникам. Копирование сочинений религиозного содержания, особенно Корана, считалось делом благочестивым, поэтому Коран нередко переписывали состоятельные люди, для того чтобы обеспечить себе благоденствие на том свете. Торговля книгами была весьма почетным ремеслом. В Багдаде в IX-X вв. имелось около ста книжных лавок, владельцы которых, варраки, нередко сами также переписывали книги.

Собрание книг в доме родителей Масуди не было бы в начале X в. исключительным явлением. Домашние библиотеки в то время, особенно в Багдаде, уже были у многих. Начало этому благородному виду собирательства в столице Халифата положил основатель города Мансур. Когда халифская библиотека перешла по наследству ко второму сыну Харуна ар-Рашида Мамуну (813-833), на ее основе было создано особое научное учреждение - Дар ал-Хикма («Дом Мудрости»). Когда при халифе Мутасиме двор переехал из Багдада в Са- марру, здесь все же осталась сама библиотека, называвшаяся «Сокровищницей Мамуна» - Хизанат аль-Мамун. В эпоху Ма- суди в халифской библиотеке хранилось более ста тысяч томов. Для сравнения скажем, что фонды крупнейших библиотек Европы в то время не превышали нескольких сотен томов. Управляющий библиотекой, говоря современным языком, директор, назывался вакилом. Ему подчинялись хазин (хранитель книг) и мушриф (инспектор). Книги располагались в шкафах по отраслям знания. Для облегчения поиска нужной читателю книги имелись тематические каталоги. С конца IX в. значительное распространение приобретают вакуфные библиотеки - собрания книг, завещанные владельцами в вечное пользование мусульманской общине. Такие библиотеки, как правило, располагались при мечетях.

В подражание халифскому Дому Мудрости в Багдаде с середины IX в. возникают несколько библиотек того же названия. Одна из них была основана приближенным халифа Мутаваккила Абу-л-Хасаном Али ибн Иахйей (ум. в 888 г.). Всякий приехавший в столицу ученый мог получить здесь не только книги для занятий, но также комнату для жилья и кое- какие средства на личные расходы. В этой библиотеке работал ставший впоследствии знаменитым астрономом и астрологом Абу Маашар ал-Балхи, на основное сочинение которого, «Китаб ал-Улуф» («Книга тысяч»), неоднократно ссылается Масуди. У отдельных лиц имелись значительные собрания книг, которые не приобретали статуса общественной библиотеки. Например, обладателем целой комнаты, наполненной книгами, был уже упоминавшийся нами учитель и друг Масуди, знаменитый шахматист и филолог Сули. Он рассортировал книги по темам и переплел их в разноцветные переплеты. Очевидно, что менее значительные собрания имелись у других, менее известных лиц. Так что вполне возможно, что наш автор в детстве и юности мог брать книги у друзей отца.

Может быть, еще в юности Масуди нашел среди отцовских книг сочинения одного из крупнейших арабо-мусульманских философов IX в. Абу Иусуфа Иакуба ибн Исхака ал- Кинди (ум. между 860 и 879 гг.) - без сомнения, его сочинения были известны Масуди: он ссылается на одну из книг философа, посвященную проблеме приливов и отливов. Кинди был первым представителем восточного аристотелизма. Он написал более двухсот сочинений, большинство из которых до нашего времени не дошло. Славу Кинди составили сокращенные изложения произведений некоторых античных философов, а также комментарии к сочинениям Аристотеля, Евклида и Птолемея.

Видимо, из книг узнал Масуди и об учении весьма почитавшегося им Абу Бакра Мухаммада ибн Закарии ар-Рази (865-925 или 934), который считал, что мир образован пятью началами: «творцом», «душой», «материей», «временем», «пространством», что все религии ложны и что Моисей, Христос и Мухаммад были не пророками, а обманщиками, бессовестно дурачившими своих легковверных современников. Надо сказать, что эти воззрения, которые Рази высказывал в одном из своих трактатов, послужили основой средневекового латинского памфлета «О трех обманщиках». Наверное, позже, уже будучи зрелым человеком, Масуди познакомился с трудами Абу Насра Мухаммада ибн Тархана ал-Фараби (870-950), который получил прозвище Второго Учителя за составление пространных и вдумчивых комментариев к сочинениям Аристотеля - а этот древнегреческий философ почитался на Ближнем Востоке как Первый Учитель. Фараби создал учение об идеальном государстве - «добродетельном городе» во главе с монархом-философом. Он соединил учение Аристотеля с неоплатонизмом, доказывая, что божество создает мир через ряд эманаций (истечений), каждой из которых соответствует определенный «космический ум» и определенная небесная сфера. «Нижайшим» среди этих умов является «активный ум», которому подчиняется «подлунный мир», где обитают люди.

Родственники будущего путешественника понимали, что систематическое образование можно получить,

только внимая мудрым шейхам - знатокам различных наук, которые ежедневно сидели у колонн крупнейших багдадских мечетей в окружении почтительно слушавших их учеников - ведь высших учебных заведений в европейском смысле этого слова тогда на Ближнем Востоке не существовало и преподавание считалось частным делом. Каждый из арабо-мусульманских ученых-улемов за свою жизнь знакомился с рядом сочинений своих учителей и других специалистов данной отрасли знания. В Багдаде большинство преподававших в мечетях шейхов были также авторами собственных научных произведений. Процесс обучения состоял в том, что учитель передавал ученикам тексты известных ему сочинений по определенной отрасли знания. Под руководством преподавателя ученики прорабатывали одну или несколько книг. За каждое прочитанное с учителем сочинение ученик получал иджазу - диплом, который свидетельствовал о том, что он помнит данный труд наизусть и переписал его. Овладев суммой текстов по какой-либо отрасли, известных одному учителю, ученик мог перейти к другому или даже уехать в иной город для продолжения образования. Степень учености того или иного человека определялась количеством проработанных сочинений и репутацией учителя. Сведения о проработанных книгах записывались либо на отдельном листе, либо на экземплярах изученных сочинений.

Господствующей формой обучения была диктовка. Само же собрание учеников во главе с учителем называлось маджлисом (дословно «посиделкой»). Учитель в богатом кафтане и белой чалме восседал среди слушателей, образовывавших вокруг него кружок - халаку. Шейх начинал занятие с произнесения хвалы Аллаху и пророку Мухаммаду. После этого кто-нибудь из учеников читал несколько аятов - стихов из Корана. Затем все собравшиеся совершали молитву, в которой молили Аллаха ниспослать благоденствие Багдаду (или другому городу, где проходили занятия) и помочь слушателям усвоить новые знания. Знаком окончания занятия служили слова учителя: «Встаньте» (по-арабски «Куму»). После этого собравшиеся вновь творили молитву, благодаря Аллаха за успешное завершение занятия.

На занятия ученики должны были являться опрятно и скромно одетыми, с бумагой, чернильницами и каламами - специально очиненными тростниковыми палочками для письма. Для слушателей считалось хорошим тоном носить платье с широкими рукавами - туда прилично и удобно прятать записи. Разумеется, слушатели, или, как их называли в арабомусульманском мире, туллаб ал-илм - «искатели знаний», окружали своих учителей - шейхов - всяческим вниманием и почетом. Если любимый учитель умирал, ученики ломали каламы, разбивали чернильницы, разрывали одежды и расцарапывали себе лица. В таком виде они с громкими стенаниями ходили по улицам Багдада, чтобы все жители могли разделить их скорбь по умершему наставнику. Но горе самонадеянному шейху, который недостаточно подготовился к лекции или говорит ученикам не то, что им нужно. В таком случае они могут прервать маджлис громкими криками, а то и забросать незадачливого преподавателя чернильницами.

Масуди учился у многих выдающихся ученых своего времени, прославившихся в различных областях существовавшего тогда знания. Весьма большое внимание уделял наш автор изучению филологических наук. Это неудивительно. Ведь, наверное, с раннего возраста он стал интересоваться поэзией и прозой, думать о том, чтобы создать такой историко-географический труд, в котором сведения по географии Земли и истории населяющих ее народов были бы изложены в занимательной форме. Поэтому среди своих учителей Масуди называет таких известных филологов конца IX - начала X века, как ал-Ваки (ум. в 918 г.), аз-Задждадж (ум. в 923 г.), Ибн Дурайд (ум. в 933 г.), Нифтавайх (ум. в 935 г.), Ибн ал-Анбари (ум. в 935 г.), ас-Сули (ум. в 946 г.).

Масуди занимался не только филологией. Интересовался он также мусульманским правом и богословием, слушал лекции таких известных в начале X в. правоведов, как Абу-л-Аббас Ахмад ибн Сурайдж и Ибрахим ибн Джабир. Наибольшее влияние на нашего автора из всех религиозно-правовых школ тогдашнего ислама оказал мутазилизм - крупное теологическое направление в исламе, которое наряду с мусульманским правом - фикхом - разрабатывало спекулятивную догматику. Мутазилиты первыми стали использовать философские и логические методы для истолкования новых положений ислама, для выяснения взаимоотношений между Божеством и человеком. Они выступали против наивного антропоморфизма в понимании сущности Аллаха, который был характерен для более ранних направлений в исламе. Они, в частности, подчеркивали, что Бог не может обладать атрибутом речи, так как это, по их мнению, противоречило бы одному из основных догматов ислама - догмату о единстве Божества. По этой причине мутазилиты выдвинули тезис о том, что Коран, считавшийся продиктованным основателю ислама Мухаммаду Аллахом, не существовал извечно, а был сотворен в определенное время. Святость Корана заключается не в букве его, а в духе, поэтому возможно его аллегорическое толкование. Согласно воззрениям мутазилитов, человек обладает свободой воли и несет ответственность за свои хорошие и дурные поступки перед Божеством.

Многие халифы были сторонниками идей мутазилизма, а Мамун даже объявил его официальной идеологией. При этом халифе, а также при его ближайших преемниках существовал даже специальный трибунал - михна. Вызванные на заседания михны улемы должны были высказаться по поводу тезиса о сотворенности Корана и свободе воли индивида. Тех, кто был не согласен с мутазилитской трактовкой этих вопросов, жестоко наказывали - казнили, подвергали избиениям, ссылали, запрещали преподавать. Таким образом, рациона - листы-мутазилиты поступали со своими идейными противниками весьма жестоко. Известно даже, что один из приближенных халифа Мамуна, посланный им на границу с Византией для проведения выкупа пленных мусульман, пропускал через сторожевой пост только тех из них, кто заявлял о том, что Коран не существовал предвечно, а был некогда сотворен. Тех, кто придерживался противоположной точки зрения или от испуга не мог сказать ничего вразумительного, ревностный поборник мутазилизма оставлял в византийском плену. Однако при халифе Мутаваккиле официальной государственной доктриной стал ортодоксальный суннизм, и теперь преследованиям стали подвергать уже самих мутазилитов.

К X в. страсти вокруг суннитско-мутазилитских противоречий, по крайней мере на государственном уровне, уже улеглись и мутазилизм превратился просто в одну из многочисленных мусульманских богословско-юридических школ, число которых в Багдаде и других крупных городах Халифата было весьма велико. Очевидно, Масуди привлекало в мутази- литах их умение вести богословско-философские диспуты, свободно и ясно высказывать свои мысли. Он был знаком со многими видными представителями этого направления в тогдашнем исламе: ал-Джуббаи (ум. в 915 г.), ал-Хасаном ибн Мусой ан-Наубахти (ум. в нач. X в.), Ибн Абдаком ал-Джурд- жани (ум. в нач. X в.), Абу-л-Касимом ал-Балхи ал-Кааби (ум. в 930 г.) и другими.

Однако, по всей видимости, уже тогда, когда Масуди был одним из многих туллаб ал-илм - «искателей знания», - наибольший интерес в нем стала пробуждать географическая наука. Есть основания полагать, что он был лично знаком с одним из крупнейших географов первой половины X в. Куда- мой ибн Джафаром (ум. в 948 г.). Высоко ценил наш автор труды известного географа и путешественника IX в. Ибн Хордадбеха (ум. в 885 г.). Интерес Масуди к географии воплотился в его сочинениях, и поскольку в этой книге рассматриваются главным образом географические аспекты его творчества и совершенные им путешествия, то уместно рассказать о том, что же собой представляла средневековая арабская география, какой путь развития она прошла к тому времени, когда наш автор начал овладевать ее основами, а затем внес в нее значительный вклад.

В то время кабинетов для занятий наукой в нашем понимании не было, однако тип «кабинетного» ученого уже сложился. Масуди же никогда не довольствовался постижением мудрости, хранящейся в пыльных фолиантах, хотя его начитанность и обширность познаний поразительны. Он пытался изучить мир, в котором жил, и именно его благородное любопытство было тем двигателем, который заставлял его совершать длительные, порой многолетние путешествия. За свою жизнь аль-Масуди объехал и описал значительную часть известных в то время арабо-мусульманам земель, оставил характеристики народов, среди которых ему приходилось жить. Он собрал правдивые сведения о тех странах, в которых ему самому побывать не довелось.

Его сообщения о многих землях и населявших эти земли народах стали важным источником для историков, географов и этнографов. Тщательно изучая то, что видел собственными глазами или слышал от осведомленных людей, придирчиво отделяя достоверное от того, что, по его мнению, противоречило истине, Масуди решил ряд важных задач географической науки своего времени, завоевав на века славу выдающегося географа и путешественника. Аль-Масуди считал необходимым разъяснить, кому предназначены его сочинения; какой в них толк и зачем они были написаны; многие историки этого времени обращали внимание на проблему источников, либо посвящая ей отдельный раздел во введении. Вот почему этот замечательный человек остался в истории не только арабо-мусульманской, но и мировой культуры как историк, оригинальный писатель и выдающийся географ и путешественник.

Стоит отметить несколько особенностей, которые были присущи для произведений аль-Масуди. Так, свои произведения автор строил с добавлением мифов, анекдотов, рассказов, что значительно оживляло его повествование, и до сих пор дошедшие до нас его произведения привлекают читателей.

У арабов-мусульман путешествия считались делом богоугодным. Одной из важнейших обязанностей каждого последователя ислама является совершение паломничества к главной святыне этой религии - мекканскому храму Каабе, а также посещение могилы пророка Мухаммада, находящейся в соседней с Меккой Медине. Весьма почетным и благочестивым поступком считалось и паломничество к святыням Иерусалима. Кроме того, нередко совершались путешествия для сбора преданий о жизни и речах

основателя ислама. Поскольку границы мусульманской империи были очень обширны, то мусульманам зачастую приходилось проделывать долгий и опасный путь для выполнения своего религиозного долга. Таким образом, уже с первых десятилетий своего существования арабо-мусульманское общество было приучено к мысли о достоинстве странствий. Выше мы говорили, что на средневековом Ближнем Востоке, в отличие от Европы, торговая жизнь никогда не замирала, а натуральное хозяйство никогда не занимало господствующего положения. Поэтому одной из самых достойных профессий считалась профессия купца. Купцы же, как известно, вынуждены совершать отдаленные поездки с торговыми целями. Арабо-мусульманские торговцы нередко сочетали заботу о пополнении своего кошелька с заботой о спасении души - их поездки в отдаленные страны с торговыми целями часто сопровождались миссионерской деятельностью по распространению мусульманского вероучения .

Именно в результате торговых контактов ислам проник на территорию современных Индонезии и Малайзии, а также в Восточную Африку. Путешествовали также многие арабо-мусульманские ученые-географы - предшественники и современники аль-Масуди, такие, как Иакуби, Истахри, Макдиси, Ибн Хаукал и другие. Следовательно, сам по себе факт длительных странствий не был чем-то удивительным и странным в среде арабо-мусульманских ученых.

Что касается путешествий аль-Масуди, то они, по всей видимости, не имели связи с какой-либо официальной миссией, торговыми интересами или задачами религиозного характера. Мотивы, побуждавшие ученого покинуть насиженные места и идти навстречу многим неудобствам и опасностям, носили благороднейший характер - аль-Масуди стремился к познанию мира, его чудес и закономерностей, он не без основания полагал, что сумеет значительно расширить представления своих современников об Ойкумене, о жизни многих народов. Правда, австралийский исследователь наследия Масуди М.Х. ШбулАхмад считает, что аль-Масуди, возможно, стал участником какого-либо коммерческого предприятия, чтобы найти средства для поездки в Иран и Индию . Автору же это представляется маловероятным. Скорее, аль-Масуди был выходцем из знатной и обеспеченной семьи, поэтому он, видимо, обладал достаточными средствами, чтобы разъезжать по разным странам.

В какой-то форме аль-Масуди фиксировал свои путевые впечатления, однако в его сочинения эти записи не вошли - дело в том, что в то время личностное начало было еще достаточно слабо развито в арабо-мусульманской культуре, поэтому сами по себе впечатления какого-либо человека от его поездок никого не интересовали . Однако, трактуя тот или иной географический или исторический вопрос в своих сочинениях, Масуди часто сообщает о том, что он видел или слышал в дальних краях.

В 915 году аль-Масуди, которому в то время было около двадцати лет, покинул Багдад с одним из купеческих караванов и двинулся на восток, направляясь в Иран, где издавна, задолго до арабо-мусульманского завоевания, существовала высокоразвитая культура. Чем же было вызвано то, что юный ученый и путешественник решил направиться именно в эту страну? Дело в том, что после установления в Халифате в середине VIII века власти Аббасидов, многие сторонники которых были по происхождению иранцами, значение древних иранских культурных и политических традиций значительно возросло. Халифат стал рассматриваться как возрожденная Сасанидская монархия, а халиф - как преемник шахиншаха. Дело дошло до того, что халиф Мансур даже ввел при своем дворе ношение одежд персидского покроя. Иранское влияние в арабо-мусульманском государстве еще больше возросло после победы сына халифа Харуна ар-Рашида Мамуна над своим братом Амином (809-813) . Ведь, будучи первоначально наместником одной из крупнейших иранских областей - Хорасана, Мамун опирался на иранскую знать. К тому же в Багдаде проживало много иранцев, которые занимались ремеслом и торговлей.

Безусловно, культурное наследие Ирана интересовало многих образованных людей арабо-мусульманского мира. И аль-Масуди тоже хотелось воочию увидеть развалины величественных дворцов и храмов с непонятными письменами, побеседовать с последователями гонимой при исламе древней религии иранцев - зороастризма, который в начале X в. продолжал играть заметную роль, несмотря на то что мусульманство получило уже значительное распространение среди жителей Ирана.

Арабо-мусульманские географы обозначили термином «Хинд» не только собственно Индию, но также и страны Юго-Восточной Азии. Северо-западную часть этой страны, территорию современного Пакистана, они называли Синдом. Эта область была в начале VII века завоевана арабами-мусульманами - местные мелкие княжества покорились арабскому войску, которым командовал юный полководец Мухаммад ибн ал-Касим, пришедший в Синд в 712 году . Захватив важнейшие города Синда, Мухаммад ибн ал-Касим дошел во главе своего войска до реки Инд, но дальше двигаться не решился - северо-западную Индию отделяла от остальной части страны обширная пустыня, которую он не отважился форсировать - безводные пески ее

были непроходимы даже для привыкших к жизни в пустыне арабов.

Таким образом, центральная и юго-восточная Индия была спасена в VIII веке от арабо-мусульманского нашествия. Синд же стал одной из провинций Халифата, управляемой наместником. Здесь начал распространяться ислам - не только в силу того, что он как религия завоевателей получил значительные привилегии, но также и по причине наличия в мусульманском вероучении демократических элементов, являющихся рудиментами родоплеменной идеологии, и простоты мусульманского религиозного культа сравнительно с религиозным культом индуизма. Эти особенности новой религии привлекли в ее лоно многих индийцев. В другие же районы страны ислам стал проникать путем торговли и благодаря миссионерской деятельности.

В IX веке, когда центробежные тенденции в Халифате усилились, в Синде образовалось несколько мусульманских княжеств - эмиратов, которые лишь формально признавали сюзеренитет багдадского халифа. Центры крупнейших эмиратов Синда находились в Мултани и Мансуре. Мултан был первым индийским городом, куда с караваном прибыл из Балха аль-Масуди.

Главной достопримечательностью города, на которую обратил внимание путешественник, был некий индуистский храм, возможно, посвященный какому-то солнечному божеству, с великолепной украшенной золотом статуей, которую арабо-мусульманские авторы ошибочно называли статуей Будды. Храм и статуя весьма почитались индийскими царями, придерживавшимися индуистских верований, и они не раз пытались захватить Мултан, однако местный эмир, которым в начале X века был, по сообщению Масуди, Абу-л-Лаххаб аль-Мунаббих ибн Асад ал-Курапш, всякий раз грозил разрушить храм и уничтожить статую. Тогда индийские цари отводили свои войска от стен Мултана.

В конце 916 года аль-Масуди отплыл из Индии к побережью Восточной Африки, которое было хорошо освоено арабскими мореходами из Южной Аравии еще с древних времен. Плавание по Индийскому океану, или Эфиопскому морю (ал-Бахр ал-Хабаша), как называет его аль-Масуди, в то время было полно опасностей. Скорее всего, путешественник сел на арабский корабль - после долгого пребывания на чужбине ему, наверное, хотелось побыть вместе с соотечественниками. А арабские суда, по сравнению, скажем, с китайскими, отличались малыми размерами и часто терпели крушения. Знаменитый венецианский путешественник Марко Поло (1254-1324), побывавший во второй половине XIII в. во многих странах Востока и видевший корабли арабских мореходов, описывает их следующим образом: «Суда у них (арабов) плохи, и немало их погибает, потому что сколочены они не железными гвоздями, а сшиты веревками из индийских (кокосовых) орехов. Кору эту они бьют до тех пор, пока она не делается тонкою, как конский волос, и тогда выт из нее веревки и ими шивают суда; веревки эти прочны и от соленой воды не портятся. У судов одна мачта, один парус и одно весло; они без покрышки. Нагрузят суда, сверху товары прикроют кожей, а на это поставят лошадей... Плавать на таких судах опасно: бури в Индийском море часты, и много их погибает».

Несмотря на все опасности, корабль, на котором находился аль-Масуди, благополучно достиг берегов Восточной Африки. Мне думается, что первоначально он спустился вдоль африканского побережья к острову Пемба, находящемуся у берегов современной Танзании, который путешественник называет Канбалу, а затем повернул назад, проплыл, иногда совершая высадки, вдоль берегов современных Танзании, Сомали и Эфиопии, а затем вдоль южного и юго-восточного побережья Аравии прибыл в Иран. Аль-Масуди отсутствовал в Багдаде всего около двух лет, но за этот короткий срок он успел побывать в Иране, Индии и на побережье Восточной Африки. Теперь ему предстояло осмыслить увиденное, привести в порядок свои записи, заполнить кое-какие пробелы в образовании, которые он ощутил во время странствий. Известно, что через несколько месяцев после возвращения в Багдад аль-Масуди отправился на юг, в важнейший после Багдада культурный и торговый центр Ирака Басру, которая находится на берегу Шатт эль-Араба - реки, образующейся от слияния Тигра и Евфрата. К этому городу аль-Масуди спустился на речном корабле по Тигру.

Согласно классификации городов, основанных «при исламе» - с того времени, когда эта религия вышла за предел Аравийского полуострова, - приводимой аль-Масуди в «Книге указания и наблюдения», Басра занимает первое место, так как это первый город, основанный арабами-мусульманами на отвоеванной у Сасанидов территории. В 638 г. второй мусульманский халиф Омар ибн ал-Хаттаб приказал командующему арабо-мусульманскими войсками в Ираке, одному из сподвижников основателя ислама, Утбе ибн Газвану построить на месте заброшенного иранского укрепленного поста, который арабы называли ал-Хурайба («Маленькая руина»), военный лагерь гбазу (дар ал-хиджра), который служил бы источником военной силы для осуществления дальнейших завоеваний.

Долгие годы Басра была центром интеллектуальной жизни Ирака. Здесь возникла грамматика арабского

языка, появилось особое религиозно-философское учение мутазилизм, о котором кратко говорилось во второй главе книги. В Басре жили первые знатоки хадисов - преданий о высказываниях и поступках Мухаммада, а также собиратели сведений по истории арабо-мусульманского государства. В этом городе родились крупнейшие арабские поэты Башшар ибн Бурд и АбуНувас, жили и работали знаменитые прозаики - Абдаллахибн аль-Мукаффа, Сахл ибн Харун, Джахиз. И не приехать сюда познакомиться с историей аль-Масуди просто не мог.

В 20-е гг. X в. наш герой неоднократно совершал поездки также в соседние с Ираком Сирию и Палестину. Эти места привлекали его по ряду причин. Во-первых, Сирия, как и Иран, - это страна, где в древности существовали высокоразвитые культуры, следы которых сохранились ко времени аль-Масуди в изобилии. Во-вторых, Сирия, в особенности ее столица Дамаск, была главной базой халифской династии Омейядов, которая опиралась на племена бедуинов, поселившиеся в этой части арабо-мусульманского государства. Масуди же очень интересовался как теми политическими событиями, которые происходили в Халифате при Омейядах, так и личностями самих предшественников Аббасидов. Почти обо всех: Муавии ибн Абу Суфиане, Абд аль-Малике ибн Марване, Омаре ибн Абд ал-Азизе, - а также о других омейядских правителях он написал яркие очерки, которые включил в «Золотые копи».

В-третьих, Сирия до арабо-мусульманского завоевания была провинцией Византии и сохраняла связи с бывшей метрополией. Эти контакты особенно остро чувствовались на севере страны, в районе, который арабо-мусульмане называли ал-Авасим - «Укрепленные города», ибо там находился ряд сторожевых городов-крепостей, оборонявших северо-западные рубежи Халифата. Правда, на севере Сирии контакты с византийцами носили враждебный характер, так как там происходили постоянные военные столкновения между вооруженными силами обеих держав. Но именно в районе ал-Авасим Аль-Масуди не без оснований надеялся получить сведения о тогдашнем положении в этом государстве, а также о его истории и культуре - такой информацией располагали как тамошние старожилы, которым приходилось и воевать с византийцами, и вести с ними переговоры, так и мусульманские воины, возвращавшиеся из византийского плена - многие из них успевали познакомиться с главным соперником Халифата изнутри. Не ограничиваясь личными наблюдениями, он собрал громадный опросный материал и широко использовал более ранних авторов. О его работе «Золотые копи и россыпи самоцветов» мы уже упоминали. В ней приводятся, помимо прочего, интересные сведения о странах и жителях Восточной Европы, в том числе о славянах. «В их стране много рек, текущих с севера. Ни одно из озер их не солоно ...» Страна, которая далее за ними к северу, необитаема по причине холода и множества воды. Большая часть их племен язычники ...» у них много городов, имеются церкви, где висят колокола...».

Аль-Масуди привел первые, но очень неясные сведения о пути с Волги на Черное море. Сам он, правда, не ходил этим путем и поэтому ошибся: слушая рассказы бывалых людей, он принял реальный волок за мнимую протоку, связывающую Волгу с Доном или прямо с Азовским морем. Масуди сообщил также о походе русов на Каспий в 912-913 годах. «Около 500 кораблей, из коих на каждом было сто человек ...» достигли...» Хазарского [Каспийского] моря, [которое] не имеет рукава, соединяющегося с другим морем, ибо оно небольшое ...» известное со всех сторон».

Итак, арабы, русские и все прикаспийские народы в X веке знали, что Каспий - замкнутое со всех сторон «небольшое море», т. е. озеро, а не часть Черного моря - или Северного океана, как считали западноевропейские географы по крайней мере еще три века, до путешествия Рубрука.

Было отмечено, что аль-Масуди отличается от своих современников по степени его интереса и охвата неисламских земель и народов своего времени. Другие авторы, даже христиане, которые писали на арабском языке в Халифате, сообщали меньше сведений о Византии, чем аль-Масуди. Он также описал географию многих стран за пределами халифата, а также обычаи и религиозные верования многих народов.

Он описал прошлых правителей Китая, подчеркнул важность восстания со стороны Хуан Чао в конце династии Тан, и упоминал, хотя и менее подробно, чем в описаниях Индии, китайские верования. Его краткое изображение Юго-Восточной Азии выделяется своей точностью и четкостью. Он обследовал обширные районы, населенные тюркскими народами. Он смог описать различия тюркских народов, в том числе различия между оседлыми и кочевыми тюрками. Он говорил о значении хазар и их жизни. Его рассказы о Руси являются важным ранним источником для изучения русской истории. Аль-Масуди представил большую часть своего материала на основе его личных наблюдений и контактов, сделанных во время путешествия. Он сообщил арабскому читателю, что Русь была больше, чем просто несколько племен. Они были разнообразны и разнообразный набор народностей. Он отметил их независимое положение, отсутствие сильной центральной власти между ними и их язычество. Он был очень хорошо осведомлен о

торговле Руси с Византией и компетенции Руси в постройке парусных торговых судов и военных кораблей. Он знал также, что Черное море и Каспийское море две отдельные водоемы .

Аль-Масуди был также очень хорошо осведомлен о византийских делах, даже о внутренних политических событиях и о дворцовых переворотах. Он описал влияние миграции на запад различных племен для византийцев, особенно вторгшихся болгар. Он говорил о византийских отношениях с Западной Европой. И, конечно же, ему были очень интересны византийско-исламских отношения.

Список использованной литературы

1. Ahmad A. M. Shboul, Al-Masudi and His World, Ithaca Press, London, 1979
2. Al-Macoudi. Les Prairies dor. - Paris: eds. C. Barbier de Meynard and P. de Courteill. - T. 2
3. Al-Macoudi. Les Prairies dor. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteill. - Paris, 1861. - T. 1
4. Al-Masudi. Bis zu den Grenzen der Erde. Auszüge aus dem «Buch der Goldwäschen», ed. G. Rotter. - Tübingen-Basel, 1978
5. Haywood. John A. Masudi, al Encyclopædia Britannica. 2006. Encyclopædia Britannica Online. 7 December 2006
6. Masūdī, al Encyclopædia Britannica. Encyclopædia Britannica 2007 Ultimate Reference Suite. Chicago: Encyclopædia Britannica, 2006
7. Masudi, The Meadows of Gold, The Abbasids, transl. Paul Lunde and Caroline Stone, Kegan Paul, London and New York, 1989
8. Tolan, John; Veinstein, Gilles and Henry Laurens, Europe and the Islamic World: A History Princeton University Press. 2013
9. Абу-л-Хасайн ибн аль-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов. - М.: Наталис, 2002. - 800 с.
10. Абу-л-Хасан `Али ибн ал-Хусайн ибн `Али аль-Мас`уди. Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749-947 гг.] / сост., пер. с араб., прим., комм. и указатели Д. В. Микульского. М.: Наталис, 2002. 800 с.
11. Аль-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов. История Аббасидской династии. М., 2002
12. Аль-Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. - Тифлис, 1908. - Вып. 38.
13. Арабская средневековая культура и литература. М., 1978
14. Ас-Сули, Хилал. Китаб ал-Аврак («Книга листов»). - СПб, 1998
15. Археология северно-русской деревни X-XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М.: Наука, 2007. Т. 1. Поселения и могильники. 374 с.
16. Бейлис В.М. К оценке сведений арабских авторов о религии древних славян и русов // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. С. 72-82.
17. Бейлис В.М. Сочинения аль-Масуди как источник по истории Восточной Европы X в. Дисс. канд. ист. наук. 1963
18. Гаркави А.Я. Из сочинений Абуль-Хасана Али ибн-Хуссейна, известного под прозвищем Аль-Масуди (писал от 20 или 30 до 50-х годов X века по Р. Х.) // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). - СПб, 1870.
19. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (С половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870. 308 с.
20. Гибб Х.А.Р. Мусульманская историография // Гибб Х.А.Р. Арабская-литература: классический период. М.: Восточная литература, 1960
21. Головацкий Я. Великая Хорватия или Галицко-Карпатская Русь // Московитянин. 1841. Ч.6. Кн.2. С. 213-232; Кн.12. С. 457-467.
22. Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов (VI-VDTbb:) // Очерки истории арабской культуры V-XV вв. М., с. 1982
23. Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. Арабские источники VII - X веков. М. - Л., 1960
24. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. Н.Велихановой. Баку, 1980. 427 с.
25. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986
26. Игнатенко А.А. В поисках счастья. Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья. М.: Мысль, 1989
27. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып.9. 534 с.
28. Khalidi T. Arabic Historical Thought in the Classic Period. Cambridge, 1994

29. Калинина Т.М. «Китабат-танбихва-л-ишраф» (Книга предупреждения и пересмотра) арабского ученого X в. аль-Масуди // Вестник РГНФ. М., 2001. №1
30. Ковалевский А.П. Аль-Масуди о славянских языческих храмах // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С.80-86.
31. Ковалевский А.П. Славяне и их соседи в первой половине X в., по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 62-79.
32. Конецкий С.Я. Новые исследования в урочище Губенская Лука // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1992. С. 20-24.
33. Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и нижнее Подунавье. – М.: Памятники исторической мысли, 2000
34. Крюков В.Г. Сведения арабских географических сочинений конца IX – первой половины X века о кочевых племенах Северного Причерноморья // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения: Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Папугото. Москва, 18 – 20 апреля 1990 г. Тезисы докладов. – М.: Академия наук СССР, 1990. – С. 67-70
35. Кузнецова С.И. Бёверинг Г. Концепция времени в исламе // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер.9. Востоковедение и африканистика. М.: ИНИОН, 1998. №3
36. Кузьмин С.Л. К вопросу о погребальной обрядовости культуры сопков // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1989. С. 48-50.
37. Кузьмин С.Л. Комплекс памятников в урочище Миложь у д. Сквородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н.э. // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 2001. №1. Специальный выпуск: Археология. С.56-62.
38. Кузьмин С.Л. Оредежские сопки // Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре. Л., 1992. С. 16-26.
39. Кузьмин С.Л. Сопка у д. Новые Дубовики // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991. Материалы симпозиума. Псков, 1992. С. 52-55.
40. Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р. «Грунтовый» могильник у деревни Которск // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 50-52.
41. Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р. Новые материалы к проблеме славянского расселения на Северо-Западе Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. С.138-146.
42. Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. Могильник Которск IX - кладбище населения Которского погоста // Stratum plus. 2000. №5. С.70-82.
43. Курбатов А. В. Культурные камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. СПб., 1995. Ч. II.
44. Ланда Р.Г. Абу-л Хасан Али ибн ал-Хусайн ибн аль-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов // Вопросы истории. – 2003. – № 3
45. Масуди. Из «Книги сообщений и знаний» / Пер. Н.А. Караулова. Сведения арабской географии IX – X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. – Тифлис, 1908. – Вып. 38.
46. Матвеев А.С. «Русы» и славяне в арабских средневековых источниках: Проблемы восприятия инородной культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Новгород, 25-31 августа 1996. М., 1998. Т.5. История и культура древних и раннесредневековых славян. С. 186-195.
47. Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1973
48. Микульский Д. В. Арабский Геродот. М.: Алетея, 1998
49. Микульский Д.В. «Золотые копи.» аль-Масуди и их место в арабо-мусульманской словесности // Аль-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов. М., 2002
50. Микульский Д.В. Арабо-мусульманская культура в сочинении аль-Масуди «Золотые копи и россыпи самоцветов». М. 2006
51. Микульский Д.В. Арабский Геродот / Отв. редактор Л. Ю. Сергиенко. - М.: Алетея, 1998. - 229 с.
52. Микульский Д.В., Кашфал-Лисам ан ах вал ахлаш-шам («Снятие покрывала с обстоятельств Дамаска сирийского») введение в изучение памятника // Арабист, хлебниковед, человек. М.С. Киктев (1943-2005). М.: Гуманитарий, 2007. С.
53. Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. 368 с.
54. Прозоров С.М. Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии VII-сер. X вв. М.: Наука, 1980

55. Фильштинский И.М. История арабской литературы X-XV вв. М.: Наука, 1991
56. Фильштинский И.М. История арабской литературы: V -- начало X века. М., 1985
57. Шидфар Б.Я. Историк и философ X-XI вв. Ибн Мискавайх и его эпоха. Дисс. канд. ист. наук. М., 1962

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://studservis.ru/gotovye-raboty/magisterskaya-rabota/15732>